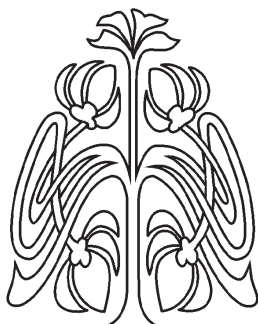
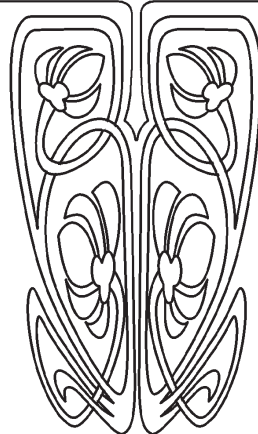

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2022. Т. 11, вып. 1 (41). С. 16–23
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2022, vol. 11, iss. 1 (41), pp. 16–23
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-16-23>

Научная статья
УДК 316.6:159.9

Коммуникация личности с художественным текстом как «заслуженным собеседником»

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. Представлены результаты проведенной научной рефлексии коммуникации личности с художественным текстом, понимаемым достаточно широко как продукт любой эстетической творческой деятельности автора и выступающим в виде его открытого приглашения к диалогу. В качестве ключевого концепта при рефлексии взаимодействия личности с культурными артефактами предлагается использование антропологической метафоры и филосоемы «заслуженный собеседник», предложенной А. А. Ухтомским. Коммуникация личности с художественным текстом позиционируется как со-бытие – способ совместного бытия в едином модусе «Мы», экзистенциальный диалог между адресантом, адресатом и многоголосыми Другими, представленными в мире искусства разными фигурами, героями, персонажами и текстами. Анализируется сеть пересекающихся интеракций между всеми субъектами эстетической коммуникации, акцентируется внимание на личностных характеристиках (инкорпорированный культурный капитал, специфика мотивации, целеполагания, особенности ценностей, интересов), возможных эмоционально-поведенческих статусах и субъектных позициях адресата (наблюдатель, собеседник, со-творец). Утверждается, что вступая в коммуникацию с художественными текстами, зритель / читатель / слушатель понимает, принимает и интериоризирует только те из них, которые заслуживает своей субъектной активностью, эстетической компетентностью, ответственными поступками и личностными усилиями, а получает в дар те награды, которых сам достоин, находя их в преображенном внутреннем мире и открывающихся духовных перспективах.

Ключевые слова: художественный текст, коммуникация, доминанта на Лице Другого, заслуженный собеседник, культурный капитал, эстетическая награда

Для цитирования: Рягузова Е. В. Коммуникация личности с художественным текстом как «заслуженным собеседником» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2022. Т. 11, вып. 1 (41). С. 16–23. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-16-23>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Communication of a person with a literary text as an “honoured interlocutor”

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. The article presents the results of the scientific reflection on the communication of a person with a literary text. The latter is understood widely as a product of any aesthetic creative activity of the author. It acts as the author's open invitation to a dialogue. The author uses the anthropological metaphor and philosopheme “honored interlocutor” proposed by A. A. Ukhtomsky as a key concept in the reflection on the interaction of a person with cultural artifacts. Communication of an individual with a literary text is positioned as co-existence, i.e. it is a way of being together in a single mode of “We”, an existential dialogue between the addresser, the addressee and the polyphonic Others who are represented in the world of art by various figures, heroes, characters and texts. The article analyses the network of intersecting interactions between all the subjects of aesthetic communication. Attention is focused on personal characteristics (incorporated cultural capital, specifics of motivation, goal-setting, peculiarities of values and interests), and on possible emotional and behavioural statuses and subject positions of the addressee (observer, interlocutor, co-creator). The researcher argues that by entering into communication with literary texts, the viewer / reader / listener understands, accepts and internalises only those of them that he deserves due to his subjective activity, aesthetic competence, responsible actions and personal efforts. However, he receives as a gift those rewards that he himself deserves, finding them in the transformed inner world and in the opening spiritual perspectives.

Keywords: literary text, communication, dominant on the Face of the Other, honored interlocutor, cultural capital, aesthetic award

For citation: Ryaguzova E. V. Communication of a person with a literary text as an “honoured interlocutor”. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2022, vol. 11, iss. 1 (41), pp. 16–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-16-23>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Изменение и трансформация современного мира, обусловленные глобализацией, информатизацией, виртуализацией, цифровизацией, а теперь еще и тотальной пандемией, затронули все сферы функционирования общества, групп и отдельных личностей, в том числе и сферу общения. Изменились возможности, контекст и условия коммуникации внутри культурного сообщества и между представителями разных культур. Под влиянием плотности, скорости и интенсивности коммуникационных потоков трансформировались социокультурные, этические и лингвистические нормы коммуникации. Модифицировались когнитивные конвенции, связанные со сдвигом в понимании критериев знания – от поиска истины к постправде, когда оценки и эмоции при интерпретации информации оказываются важнее ее смыслового контента.

Искусство как мир опыта человека и «способ обнажения, обновления действительности» [1, с. 196] также динамично развивается и изменяется, но при этом остается культурным капиталом человечества и его своеобразной точкой опоры, способной обеспечить духовный рост, цивилизационный прогресс, благополучие и процветание. Взаимодействие личности с искусством, рассматриваемое как процесс коммуникации [2–4], помогает ей настроить эффективную «оптику» видения и осмысления мира, расширить границы свои и Другого, конструировать способы познания, которые «шум превращают в речь, годную

для сообщения» [1, с. 196], амплифицировать собственное развитие и психологическую компетентность, принять актуальные современные вызовы и эффективно ответить на них.

Цель представленного исследования – рефлексия коммуникации личности с художественным текстом как «собеседником», которого читатель, зритель, слушатель должен заслужить.

Модусы Лица Другого и «закон заслуженного собеседника»

А. А. Ухтомский – автор теории физиологической доминанты, описывающей принцип работы нервных центров, – обращает внимание и исследует социальную категорию «Лицо Другого» как форму существования человеческой индивидуальности, трактуя понятие «лицо» достаточно широко: как образ и лик, персональность и индивидуальность, характер и личность. Его интересует не просто фигура Другого как экзистенциально-феноменологическая данность, разграничивающая «Я» и «не-Я» (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти), обладающая другим голосом и иным слухом (Г. Гадамер, П. Рикер), удовлетворяющая потребности личности (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон), не столько Другой как репрезентант культуры и носитель символического, контролирующего способы вхождения личности в духовно обжитой мир (Ж. Лакан), не только Другой как зеркало, мерило и транслятор правил, конвенций и ценностей (Ч. Кули, Дж. Г. Мид) и даже не столько Другой как открывающееся бы-

тие, равноправный партнер по диалогу, формированию совместной общности «Мы» (М. Бахтин, М. Бубер) и мыслимый гарант собственного «Я» (Э. Левинас), а именно Лицо Другого как «нерешенный интеграл», достигнутая нравственная организация индивидуальности, раскрываемая в контексте диалога и взаимодействия личности и Другого. В отличие от теории доминанты и теории хронотопа сам А. А. Ухтомский не оформил собственные взгляды относительно важности и значимости Лица Другого в стройную теорию межличностного общения как духовно-нравственного преображения, лишь фрагментарно изложив ее ключевые тезисы в разных работах, дневниках и письмах, тем самым предоставив современным исследователям возможность реконструкции его теории [5–7].

С точки зрения А. А. Ухтомского, именно Лицо Другого является этическим императивом, «исключительным фактором опыта и жизни каждого человека» [8, с. 398], тем, что преобразует конфигурацию существующих доминант, ориентирует их на нравственный эталон совместного сосуществования людей и определяет интегральный образ мира как результат пережитых доминант. А. А. Ухтомский констатирует наличие своеобразной психологической доминанты на Лице Другого, связывая ее с онтологией человеческого бытия: «Общество и речь начинаются там, где бесконечное разнообразие лиц, но все они одинаково стремятся к пониманию друг друга, к сообщению, к согласию и гармонии безграничного богатства оттенков, исканий, открытий и опытов. Человек человеку – величайший секрет, но, вместе с тем, без устремления понять этот секрет и иметь человека перед собою теряется смысл человеческого поведения и бытия» [8, с. 492].

А. А. Ухтомский дифференцирует два вида психологических доминант – доминанту на своем Лице, определяющую эгоцентрическую позицию личности в общении, фиксацию на собственных интересах и желании самоутвердиться, и доминанту на Лице Другого, предполагающей «совестное восприятие истины и жизни» [9, с. 245], направляющей ответственное внимание на Другого, обеспечивающей «живое существование» [8, с. 235] и трактуемой как ответная реакция на «бесповоротное задание жизни» [9, с. 218]. В контексте общения эти доминанты обеспечивают два коммуникативных модуса – модус Двойника и модус Собеседника.

Доминанта на своем Лице предполагает коммуникативную роль Двойника, смысловое и функциональное наполнение которой обусловлено желанием личности найти собственные черты, свойства и особенности в Другом, поскольку «человек видит реальность такую, каковы его

доминанты ... Человек видит в мире и в людях predeterminedное своею деятельностью ... так или иначе самого себя!» [9, с. 250].

Собеседник – еще один из вариантов Лица Другого, по А. А. Ухтомскому. Другой непременно существует в бытии человека, при этом каждая личность стремится к пониманию и нахождению своего Другого. Найти Другого для собеседования – это значит открыть для себя подлинность и глубину мира Другого, его самобытные переживания и ценности, стойкие убеждения и верования. При этом А. А. Ухтомский подчеркивает три важных момента. Во-первых, для того чтобы личность смогла найти собеседника, она должна приложить достаточно много усилий, чтобы освободиться от собственных устоявшихся абстракций, сменить узкую перспективу субъективного видения, сместить (преодолеть) доминанту с собственного Лица на Лицо Другого. Во-вторых, ей необходимо творчески идеализировать Другого, чтобы он смог выступить для нее как аксиологический стандарт и этический эталон, достижение которого сопряжено с трудной задачей личностного развития в контексте совместного присутствия, ответственной сопричастности и исключительной требовательности к себе. И в-третьих, наличие такого собеседника маркируется личностью как вознаграждение за фундаментальное нравственное усилие, награда за победу над Двойником, жизненный дар как подтверждение собственной состоятельности.

Опираясь на эти постулаты, А. А. Ухтомский сформулировал закон заслуженного собеседника: «Каждый человек имеет того собеседника, которого заслужил всей предшествующей и настоящей жизнью и деятельностью. К каждому мир и люди поворачиваются так, как он того заслужил» [9, с. 437]. Заметим, что глагол «заслужил» имеет точное лексическое значение, понимаемое как достижение цели или получение оценки Другого через собственные поступки, творчество, деятельность. По Ухтомскому, «заслужить» означает «трудное достижение» [8, с. 229], ответственную работу человека над собой в каждый момент жизни, преодоление им собственной эгоистической доминанты на себе и ее смещение со своего Лица на Лицо Другого, уважительное и сопричастное отношение к Другому. Заслуженный собеседник – тот, кто вызывает живой и бескорыстный интерес личности, ее искреннюю расположенность и ежеминутную готовность «к бдительному подвигу» [9, с. 439], тот, кого всегда идеализируют, кто побуждает личность видеть в окружающих «их алтари, а не задворки» [9, с. 212].

Антропологическая метафора и философема «Собеседник», а также сформулированный А. А. Ухтомским «закон заслуженного собесед-

ника» имеют глубокий символический смысл, высокий объяснительный потенциал и могут быть использованы при рефлексии взаимодействия личности с культурными артефактами.

Взаимодействие личности с культурными артефактами как со-бытие

Встреча личности с тем или иным произведением искусства рассматривается в контексте данного исследования как совместное бытие – событие, предполагающее не просто одновременное присутствие «Я» и многочисленных многоголосых «Ты», представленных автором, героем, персонажем, исполнителем, но способ их бытия в едином модусе «Мы». Со-бытие выступает как экзистенциальный диалог, разворачивающийся на перекрестке хронотопов, сконструированная сеть пересекающихся коммуникаций между автором и текстом, текстом и реципиентом, автором и читателем / зрителем, текстами между собой, читателем / зрителем с самим собой и существующей культурной традицией, художественным текстом и культурным контекстом.

Коммуникацию автора с текстом мы будем рассматривать, опираясь на взгляды М. Фуко и полностью солидаризируясь с его точкой зрения. М. Фуко определяет взаимодействие автора и текста как однонаправленный линейный процесс, в котором роль автора сведена к одному из способов интерпретации событий, выбору выразительных средств, персонажей и действий, их трансформации, деформации и модификации. Автор, изначально стоящий вне текста и предшествующий тексту, организует собственное произведение как своеобразную «игру знаков как по обозначаемому содержанию, так и по природе обозначающего» [10, с. 12].

По Фуко, игра знаков часто нарушает собственные правила и выходит за их границы, и в связи с этим основной функцией автора выступает не столько порождение смыслов, сколько регуляция вымышленного, контроль обращения значений, ограничение свободы читателя в пересоздании произведения и его интерпретации. С помощью языка автор, используя существующие дискурсы и жанры, конструирует внутреннее пространство произведения в виде «сетки», одним из узлов которой является проекция его авторской субъективности или момент всеобщей «дискурсивной практики» как предрасположенности представителей того или иного лингвистического сообщества вести себя сходным образом в определенном коммуникативном контексте. В связи с этим художественный текст априори полисемичен, гетерогенен и значительно «больше своего автора» [10, с. 13].

Коммуникация автора с читателем, зрителем, слушателем предполагает личностно-ориентированный уровень общения («Я – Он»), при котором и автор, и реципиент позиционируются не как обезличенные элементы дискурса, а как персонафицированные адресанты и адресаты со сходными символическими кодовыми системами. Их голоса выступают в качестве репрезентантов личности, которая имеет свою персональную историю и уникальную биографию, достигнутую идентичность и проявленную индивидуальность, имеет вкусовые предпочтения, определенный статус, репутацию и капитал, характеризуется субъективной конфигурацией ценностей. Вспомним М. М. Бахтина – «абстрактного собеседника быть не может» [11, с. 87].

Ю. М. Лотман рассматривает еще один возможный вид коммуникации в художественном пространстве – автокоммуникацию зрителя / слушателя / читателя с самим собой. Коммуникация «Я – Я» предполагает, по сути, не обмен информацией, ее количественный прирост и движение в пространстве от одного субъекта к другому, а скорее качественное преобразование и обогащение смыслового контента уже имеющегося сообщения, его развертывание во времени во внутреннем пространстве воспринимающей личности. Ю. М. Лотман совершенно обоснованно считает, что автокоммуникация происходит за счет вторичного перекодирования полученного сообщения с учетом внутреннего субъективного кода [2].

Коммуникацию между художественными текстами в контексте культуры исследуют Р. Барт, Ю. Кристева, У. Эко, вводя и анализируя понятие «интертекстуальность». Интертекстуальность определяется как диалогические отношения текстов, построение которых основано на мозаике цитаций, аллюзий и метафор, отсылок и отзвуков, реминисценций и стилизаций, явной или скрытой полемики, пародирования, включения «чужого» текста, коллажа множества текстов, актуализации жанровых связей. Р. Барт считает, что всякий текст – между-текст, образованный «из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат» [12, с. 418], т. е. тех знаков культуры, с помощью которых воссоздается мощная смысловая стереофония. Ю. Кристева по поводу текстовых значений отмечает, что «изначально уже двойственные удваиваются и множатся» [13, с. 564], а У. Эко полагает, что текст не только проявляет свои свойства, но и через «эхо интертекстуальности отсылает к сформировавшей его культуре» [14, с. 431].

В результате диалога или полилога текстов происходит выстраивание культурной традиции, встраивание текстов в культуру и их взаимообогащение за счет углубления, фасилитации и самовозрастания смыслов.

Чтобы встреча с произведением искусства состоялась, необходимо не только пересечение хронотопов и языковых пространств субъектов художественной коммуникации, но и наличие определенного эстетического и жизненного капитала воспринимающей личности, ее интенциональная активность и субъектность, установка на «распредмечивание» текста, готовность к его пониманию, переживанию и проживанию, означиванию и конструированию смысла. Более того, важное значение имеет и сам эстетический контекст, вне рамок – или даже рамы – которого произведение искусства может не восприниматься и не обозначаться как таковое.

Произведения искусства как тексты, которые нужно заслужить

Произведение как сотканная автором игра культурных знаков, матрица образов и символов целостно и законченно, но при этом полисемично, многослойно, разомкнуто и открыто различным интерпретациям. От читателя, зрителя, слушателя зависит не только степень понимания произведения, его недопонимание или ответное недоумение, вызванное глобальным непониманием, но и то, сможет ли он извлечь и реконструировать те или иные смыслы, слышит ли отзвуки других текстов и отсылки к ним, делающие любой текст полифоничным, насыщенным и глубоким, есть ли у него собственная «энциклопедия» текстов, позволяющая сформировать и выработать субъективные коды прочтения, собственные интерпретативные стратегии, способствующие работе по деконструкции текста, направленной на вскрытие конструкции и порождение смысла [15]. Перечисленное может трактоваться как содержание одной из составляющих культурного капитала – «культуры в голове» [16] и описывать эстетически подготовленных реципиентов [17].

Инкорпорированный культурный капитал личности представляет собой наработанное духовное богатство и накопленный эстетический опыт, которые выступают как потенциал, ресурс и результат ее развития, обеспечивающие преимущества и выгоды функционирования, расширяющие возможности человека и определяющие качество его жизни, экзистенциальный выбор. При этом нужно заметить, что приобретение культурного капитала предполагает «трудное достижение», серьезную и ответственную работу человека не только по его накоплению, связанную с персональными усилиями и инвестированием в этот процесс своего времени, но и постоянную работу с собой и над собой, имеющую отношение к самосовершенствованию, росту, развитию и достижениям.

Помимо инкорпорированного культурного капитала, выступающего своеобразным внутренним контекстом, значимым для эффективного взаимодействия с текстом является специфика ценностной сферы личности – мотивация и процессы целеполагания, саморегуляция и самодетерминация, круг интересов и конфигурация ценностей, субъективное отношение к действительности, себе, Другому. Соответственно, эффекты взаимодействия будут зависеть от того, хочет ли личность участвовать во встрече с произведением искусства и воспринимать его, чем характеризуются эстетические установки и притязания воспринимающего человека, чего он ждет от взаимодействия с искусством, каковы его субъективные вкусы, привычки и предпочтения, доминанты и приоритеты.

Еще одним существенным аспектом взаимодействия личности с культурными артефактами является то, какую субъектную позицию занимает воспринимающий человек по отношению к произведению искусства.

Одной из них может быть позиция стороннего наблюдателя, но человека не просто со стороны воспринимающего что-то, а вышедшего на границу интеракции с культурным артефактом, наблюдающего определенную дистанцию по отношению к нему и при этом маркирующего такое взаимодействие как встречу с произведением искусства. Человек, находящийся в этой позиции, имеет доминанту на своем Лице, фиксируется на эгоцентрических чувствах и переживаниях, собственных интересах и субъективных ожиданиях, по сути, осуществляя поиск своих Двойников в произведениях искусства. Вместе с тем эта позиция может трактоваться как своеобразная точка бифуркации – точка духовного роста, определяющая различные поведенческие стратегии и сценарии интеракции с эстетическими текстами.

Другая позиция может быть обозначена как «Активный коммуникатор». Человек, занимая эту позицию в художественном пространстве, выстраивает субъект-субъектные отношения с текстом, одухотворяет его и взаимодействует с ним в режиме коммуникации «Я – Я», эмпатически оживляя следы, не существующие вне подобного диалога. Эта позиция связана с актуализацией «умных эмоций» (Л. С. Выготский) [18, с. 328], поиском и нахождением рационально-чувственных ответов на имеющиеся индивидуальные вопросы и запросы, а также их ответственной рефлексией. Благодаря этому человек, осваивая коллективный опыт, закрепленный в эстетических формах, культурных символах и архетипах, конструирует индивидуальные значения и личностные смыслы, существующие на перекрестке смысловых траекторий автора и реципиента.

Наконец, третья позиция предполагает «двойную игру» – со-авторство, т. е. активное достраивание или перестройку текста, ответственное формирование меж-текста и конструирование его смыслового пространства, помещение некоторых частей текста под знак вычеркивания [15] и их демонтаж, персонализированное прочтение исходного текста, реверсивное погружение в собственный внутренний мир и его духовно-нравственное преобразование. Аргументируя вышесказанное, приведем суждение Г.-Г. Гадамера: «Игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой» [19, с. 139]. Каким будет результат этого доигрывания и насколько сконструированный текст – «эстетический предмет» [17] будет отличаться от оригинала, полностью зависит от реципиента. Заметим, что диапазон этих трансформаций достаточно широк – от регрессии, редукции, упрощения и уплощения авторского замысла до фасилитации и обогащения опорных конструкций текстовой и смысловой архитектуры, предложенной автором.

Возвращаясь к «закону заслуженного собеседника», акцентируем внимание на вопросе о награде и даре. Если текст выступает в роли заслуженного собеседника, то является ли сам текст наградой, что и от кого человек получает в дар, взаимодействуя с художественным текстом как заслуженным собеседником?

Текст, как уже указывалось, понимается нами достаточно широко – не просто как последовательность знаков, организованных по правилам языка, а в качестве продукта и результата любой эстетической творческой деятельности автора. Текст как эстетический феномен рассматривается в виде сообщения автора Другому / Другим, послания современникам или потомкам, открытого приглашения к диалогу. Он безусловно выступает в качестве дара автора, его вклада в культурное наследие отдельной группы или всего человечества. Заметим, что этот дар не всегда и часто не сразу достойно оценивается и воспринимается с благодарностью – особенно это относится к авторам, расширяющим границы искусства, дополняющим художественный алфавит культуры, углубляющим смысловые контексты, разрушающим перцептивные стереотипы и делающим объемной «оптику» видения и картину мира воспринимающей личности.

Что касается читателя, зрителя, слушателя, то его интеракции с художественными текстами способствуют проявлению и открытию непознанного в самом себе, наполняют внутренний мир иными смысловыми и ценностными измерениями [4], приводят к личностной трансформации, основанной на имитации взаимодействия и косвенном общении с Другими [20], реализуют события

эстетического опыта [21]. Соответственно, воспринимая художественный текст как «заслуженного собеседника», личность получает подарок и эстетическую награду, находя ее внутри себя, в своем преображенном внутреннем мире. Заслуженный дар обретается благодаря активизации собственного духовного потенциала и культурного капитала, открытости человека миру, способности творчески думать, глубоко чувствовать и сопереживать Другому, организации направленной и ответственной коммуникации со всеми субъектами эстетической деятельности, рефлексии ее эффектов и результатов, позиционированию мира не просто как объективной данности, но и как экзистенциальной заданности.

Заключение

Воспринимаемый личностью художественный текст – это интерессубъективный объект, существующий на перекрестке не только хронотопов, но и смыслов по крайней мере двух взаимодействующих субъектов – автора, создающего тот или иной полисемичный текст и приглашающего к целенаправленному диалогу / полилогу, и читателя, зрителя, слушателя, «оживляющего» этот текст, обладающего плюралистическими стратегиями его видения, прочтения и интерпретации. Интерессубъективность характеризуется общностью опыта взаимодействующих субъектов художественной коммуникации, которая опосредована их ценностно-смысловыми особенностями и социокультурными контекстами.

Воспринимаемый личностью художественный текст – это интенциональный объект, онтологический статус которого предполагает его существование на границе объективного и субъективного, внешнего и внутреннего мира. Он инициируется эстетическим восприятием реципиента и является продуктом и результатом его эстетического чувствования, переживания и опыта. Содержание подобного интенционального объекта (эстетического предмета) может отличаться от оригинала, поскольку конструируется в рамках не только культурного контекста, но и субъективного горизонта воспринимающей личности.

Согласно «закону заслуженного собеседника», сформулированному А. А. Ухтомским, каждый человек, со-бытийствуя с разнообразными Другими, ищет и находит того собеседника, которого заслуживает, много и ответственно работая над собой, своими действиями и поступками, эмоциями и чувствами. Если рассматривать мир искусства как один из возможных миров опыта человека, то эксплицируя этот закон на интеракции личности с произведениями искусства, можно

констатировать, что каждый читатель, зритель, слушатель получает в качестве собеседника то произведение искусства, которое он заслуживает. При этом в контексте эстетического взаимодействия заслужить тот или иной художественный текст означает не только оказаться эмоционально вовлеченным и увлечься игрой и красотой его символов, образов, метафор и смыслов, испытывая эстетическое удовольствие, но и быть готовым к духовно-нравственному преобразению собственного интрапсихического мира и открывающимся духовным перспективам.

Библиографический список

1. Шкловский В. Б. О теории прозы. М. : Советский писатель, 1983. 384 с.
2. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин : Александра, 1992. С. 76–90.
3. Семенов В. Е. Искусство как межличностная коммуникация. Самара : Изд-во «Центр РАН», 2007. 199 с.
4. Рязузова Е. В. «Другой в художественной реальности» как источник самопознания личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 1, вып. 4. С. 16–22.
5. Зинченко В. П. Порождение и метаморфозы смысла: от метафоры к метаформе // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3, № 3. С. 17–30.
6. Снегирева Т. В. Другой как опыт духовности // Консультативная психология и психотерапия. 2012. № 4 (75). С. 30–59.
7. Даренский В. Ю. Философия А. А. Ухтомского как экзистенциальная герменевтика // Философский полilog: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2 (6). С. 46–58. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.4>
8. Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск : Рыбинское подворье, 1997. 567 с.
9. Ухтомский А. А. Интуиция совести : Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб. : Петербургский писатель, 1996. 525 с.
10. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими. II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб. : Наука, 2014. 358 с.
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
12. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс ; Универс, 1994. 616 с.
13. Кристева Ю. Текст романа // Кристева Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики / пер. с фр. М. : РОССПЭН, 2004. С. 395–582.
14. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. М. : Книжная палата, 1989. С. 427–467.
15. Деррида Ж. Позитивизм / пер с фр. Киев : Изд-во «Д. Л.», 1996. 192 с.
16. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. DOI: 10.17323/1726-3247-2002-5-60-74
17. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Феноменолого-рецептивные аспекты эстетического опыта // Вестник славянских культур. 2015. № 2 (36). С. 179–194.
18. Выготский Л. С. Психология искусства. СПб. : Азбука, 2016. 448 с.
19. Гадамер Г.-Г. Человек и язык // От Я к Другому : сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога / науч. ред. А. А. Михайлов. Минск : Менск, 1997. С. 130–141.
20. Djikic M., Oatley K. The art in fiction: From indirect communication to changes of the self // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2014. Vol. 8, iss. 4, pp. 498–505. DOI: 10.1037/a0037999
21. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Художественность как метафизическое основание эстетического опыта и критерий определения подлинности искусства // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 220–241.

References

1. Shklovskiy V. B. *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1983. 384 p. (in Russian).
2. Lotman Yu. M. About two models of communication in the cultural system. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* [Selected Articles in Three Volumes. Vol. 1. Articles on the Semiotics and Topology of Culture]. Tallin, Alexandra Publ., 1992, pp. 76–90. (in Russian).
3. Semenov V. E. *Iskusstvo kak mezhlchnostnaya kommunikatsiya* [Art as Interpersonal Communication]. Samara, Izdatel'stvo "Tsentra RAN", 2007. 199 p. (in Russian).
4. Ryaguzova E. V. "The Other in Artistic Reality" as a Source of Self-Knowledge of a Personality. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2012, vol. 1, iss. 4, pp. 16–22 (in Russian).
5. Zinchenko V. P. Generation of Meaning: Metaphor's Assembling. *Cultural-Historical Psychology*, 2007, vol. 3, no. 3, pp. 17–32 (in Russian).
6. Snegireva T. V. "The Other" as an experience spirituality. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2012, no. 4 (75), pp. 30–59 (in Russian).
7. Darenkiy V. Ju. A. A. Ukhtomsky's philosophy as existential hermeneutics. *Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy*, 2019, no. 2 (6), pp. 46–58 (in Russian). DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.4>
8. Ukhtomskiy A. A. *Zasluzhennyi sobesednik. Etika. Religiya. Nauka* [Honored Interlocutor. Ethics. Religion. The Science]. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e Publ., 1997. 567 p. (in Russian).
9. Ukhtomskiy A. A. *Intuitsiya sovesti.: Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na polyakh* [Intuition of Conscience.

- Letters. Notebooks. Marginal notes]. St. Petersburg, Peterburgskiy pisatel' Publ., 1996. 525 p. (in Russian).
10. Foucault M. *Le Courage de la vérité. Le gouvernement de soi et des autres II. Cours au Collège de France, 1984*. Paris, Éditions de l'École des Hautes Études en Sciences Sociales, Gallimard, Éditions du Seuil, coll. «Hautes Etudes», 2009. 368 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboy i drugimi. II. Kyrs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1983–1984 uchebnom godu*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 358 p.).
 11. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetic of Verbal Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (in Russian).
 12. Bart R. *Izbrannye raboty : Semiotika. Poetika* [Selected Works : Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994. 616 p. (in Russian; trans. from French).
 13. Kristeva Yu. Text of the Novel. In: Kristeva Yu. *Selected Works : Destruction of Poetics*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. P. 395–582 (in Russian; trans. from French).
 14. Eco U. Notes on the margins of the “Name of the Rose”. In: Eco U. *Name of the Rose*. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1989, pp. 427–467 (in Russian; trans. from Italian).
 15. Derrida J. *Pozitsii* [Positions]. Kiev, D. L. Publ., 1996. 192 p.
 16. Bourdieu P. Forms of Capital. *Economic Sociology*, 2005, vol. 3, no. 5, pp. 60–74 (in Russian; trans. from English). DOI: 10.17323/1726-3247-2002-5-60-74
 17. Bychkov V. V., Mankovskaya N. B. Phenomenological and receptive aspects of aesthetic experience. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2015, no. 2 (36), pp. 179–194 (in Russian).
 18. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 448 p. (in Russian).
 19. Gadamer G.-G. Man and Language. In: Mikhailov A. A., sci. ed. *From Me to Another. Collection of Translations on the Problems of Intersubjectivity, Communication, Dialogue*. Minsk, Mensk Publ., 1997, pp. 130–141 (in Russian; trans. from English).
 20. Djikic M., Oatley K. The art in fiction: From indirect communication to changes of the self. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2014, vol. 8, iss. 4, pp. 498–505. DOI: 10.1037/a0037999
 21. Bychkov V. V., Mankovskaya N. B. Artistisity as metaphysical foundation of aesthetic experience and criterion of art authenticity identification. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2017, vol. 43, pp. 220–241 (in Russian).

Поступила в редакцию 23.10.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 09.12.2021
The article was submitted 23.10.2021; approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 09.12.2021